

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А. И. Кольба

Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

З. Т. Чадаева

Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

В статье приведены результаты исследования основных тенденций развития региональных конфликтов в республиках Северо-Кавказского региона (2010–2020-е годы), а также трансформации политических институтов управления ими. Основываясь на концептуальном анализе положений конфликтологического и неинституционального подходов относительно сущности политической институционализации конфликтов, авторы делают вывод о направленности данного процесса преимущественно на поддержание стабильности, а не на развитие региона. Выявленная специфика развития региональной конфликтности позволяет утверждать наличие у нее циклического характера, что проявляется, в частности, в периодической политизации и деполитизации этничности. Последняя остается значимым фактором в развитии региона, прежде всего за счет формирования связанных с нею идентичностей, что проявляется и в исследуемых конфликтах. Определена и значительная роль конфессионального фактора в конфликтах. Он проявляется как в усилении религиозной радикализации части граждан, в первую очередь молодежи, так и в противодействии ей со стороны умеренно настроенного духовенства. Отмечено изменение типов конфликтности в регионе: масштаб конфликтов уменьшается, они развиваются на республиканском либо локальном уровне. Снижаются интенсивность развития конфликтных ситуаций и число насильственных проявлений конфликта, при этом они чаще принимают латентный, непубличный характер. Как реакция на такое положение вещей актуализируются протестные формы выражения противоречий. В ближайшие годы наиболее вероятно продолжение тенденции, связанной с гибридной политической институционализацией конфликтов и сохранением ориентации на их сдерживание.

Ключевые слова: региональный конфликт, Северо-Кавказский регион, политическая институционализация, тенденции, этничность.

ВВЕДЕНИЕ

В общественном сознании Северо-Кавказский регион часто воспринимается как территория с повышенным уровнем конфликтности. Для этого существует объективные основания. В частности, республики Северного Кавказа отличает

наличие комплексных противоречий, в чем-то общих для всех субъектов, в чем-то — весьма специфических для каждой из них. Несмотря на то что открытые масштабные конфликты, периодически переходившие в фазу вооруженного противостояния, здесь к 2010-м годам были в основном преодолены, последствия их продолжают сказываться до настоящего времени. Это проявляется в высоком уровне социальной напряженности, попытках активизации деятельности радикальных религиозных организаций, замедлении темпов развития большинства сфер общественной жизни и ряде других показателей. Помимо ряда конфликтов, сформировавшихся в прошлые десятилетия и находящихся в «спящем» состоянии либо развивающихся с низкой интенсивностью, возникают новые конфликтные ситуации. Эти характеристики в совокупности позволяют говорить о сохранении высокого конфликтного потенциала в республиках СКФО. При этом политические институты, в рамках которых должны решаться указанные проблемы, во многих случаях не только демонстрируют низкий уровень эффективности, но и сами становятся источниками конфликтов. В рамках данной статьи авторы рассматривают сложившиеся проблемы политической институционализации региональных конфликтов, тенденции их развития и возможности дальнейшей трансформации институциональных оснований политического управления ими.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологически исследование основано на подходах к политической институционализации конфликтов, сложившихся в рамках конфликтологии и неoinституционализма [Siedschlag, 2001; Farrell, 2018; Scott, 2010]. Конфликтологи преимущественно сосредотачивают внимание на процессуальных аспектах конфликта, которые регулируются политическими нормами в целях обеспечения его конструктивного характера. Большое внимание уделяется и воздействию конфликтов на политические институты: они выступают в качестве ключевого фактора политико-институциональных изменений. Общим принципом является регулирование конфликтов в рамках постоянно действующих политических институтов, но допускается и создание норм и регуляторов *ad hoc*. Все значимые конфликты должны выходить на политический уровень взаимодействия: это обеспечивает возможность их институционального контроля. При этом характер регулятивного воздействия (формально или неформальное, публично-политическое или административное) не имеет решающего значения; скорее речь идет о его общих принципах.

С точки зрения неoinституциональных концепций конфликт является одним из случаев регулируемых отношений; допускается его вытеснение для совершенствования функционирования политических институтов. При этом наибольшее внимание уделяется характеру регулятивного воздействия, сочетанию различных его типов. Управление конфликтами на основе норм, различных по своей природе, может привести к усилению конфронтации и его развития в деструктивном ключе. Таким образом, сам процесс политической институционализации может быть конфликтным. Политические институты в ряде

случаев не только регулируют, но и продуцируют конфликты, основания которых находятся в самом институциональном устройстве.

ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Проведенное исследование охватывает временные рамки 2010–2020-х годов. Российский политический процесс в указанный период проходит под знаком централизации, что вполне осознается элитами как на федеральном, так и региональном уровне. Соответствующим образом изменяются и правила конфликтования в рамках конвенциональных политических отношений. Как отмечал в начале 2010-х годов Ростислав Туровский, в российских регионах императивным требованием для властвующих групп стала стабильность. Фактор централизации вынуждает региональные группы искать поддержки в центре, избегая при этом публичных столкновений с соперниками в регионе. Соответственно, конфликты приобретают латентный характер, а конфликтующие группы стремятся прийти к согласию, чтобы отличаться в глазах центра [Туровский, 2011]. Существовавшая в 1990-х — начале 2000-х годов модель региональных политических пространств, в которых действовало множество акторов, зачастую слабо контролируемых и федеральным центром, и региональными властями, требовала использования сложных механизмов согласования интересов, работавших преимущественно в публично-политическом пространстве. Новая модель преимущественно ориентирована на институциональные взаимодействия вертикального характера, дополняемые внутри- и межэлитными сетями. При этом усиливается роль неформальных институтов политического управления. В рамках данной парадигмы взаимодействий логичным представляется стремление ограничить политическую активность групп и слоев общества, не входящих во «внутриэлитный пакт», и минимизировать публичную составляющую конфликтов с их участием [Кольба, 2011]. Таким образом, изменяются характеристики региональных политических режимов по таким осям, как «централизация — автономизация», «авторитаризм — демократия», «партикуляризм — универсализм».

Для периода конца 2000-х — начала 2010-х годов характерно столкновение двух возможных линий политического управления конфликтами: с акцентом на поддержание безопасности и с усилением тенденций социально-экономического развития. По мнению Екатерины Клименко и Нила Мелвина, даже после стабилизации положения на Северном Кавказе в середине 2000-х годов, регион оставался сильно милитаризованным. На стыке десятилетий подход к урегулированию конфликтов со стороны федеральных властей существенно изменился: были приняты масштабные программы развития с целью экономической и социальной модернизации на его территории. К середине 2010-х годов стратегия снова все больше фокусировалась на борьбе с терроризмом [Klimenko, Melvin, 2016]. Возобладал тренд секьюритизации, при котором в центре внимания находится контроль над уровнем насилия, препятствующий эскалации конфликтов. Институционализация при этом осуществляется за счет преимущественного развития силовых институтов.

Вместе с тем ослабление роли публично-политических составляющих управления региональными конфликтами, ограниченность возможностей гражданского общества приводят к дальнейшему укреплению значимости традиционных для региона социально-политических институтов. Они активно используются различными сегментами элит, формирование которых происходит по закрытой, гильдейской модели, а инкорпорация осуществляется узким кругом доверенных лиц на основе неформальных критериев [Салгириев, Баранов, Костенко, 2019]. В то же время неформальные институты такого рода закрепляют социально-политические отношения аккомодационного, конкурирующего, замещающего характера. Это позволяет сохранять некоторые ограничения для использования авторитарной модели институционализации конфликтов и определенную долю автономности элит (и потенциальных контрэлит), демонстрирующих неизменную лояльность федеральному центру, но в то же время подразумевает консервацию социальной архаики, что противоречит стратегии модернизации.

В целом регион оценивается как потенциально нестабильный, что связано с рядом факторов: сложной экономической ситуацией в ряде субъектов, высоким уровнем полиэтничности и значением этнического фактора для социально-политических отношений, наличием глубоко укорененных в прошлом конфликтов, продолжающих оказывать влияние на современные политические процессы, опасностью развития экстремистских движений, и др. Поэтому характерным является широкое использование непубличных институтов регулирования конфликтов, обращение к религиозным и традиционным нормам в целях недопущения их эскалации, в частности перехода к протестным формам конфликтования [Хаматханова, 2020].

Как отмечали авторы экспертного доклада «Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе», инфраструктура государства, включая судебные институты и институты применения государственного принуждения, приватизирована различными политическими группами. Вследствие этого не обеспечен комплекс экономических институтов (собственность, наследование, заработная плата и др.) и реализация инвестиционных проектов. Кроме того, институционализируются «бюджетный рынок» и «рынок насилия», способствующие циклическому воспроизведению установившегося порядка [Соколов, Магомедов, Силаев, 2013]. Оценка функционирования политических институтов по оси «партикуляризм — универсализм» указывает на преобладание частных интересов.

Тезис об взаимосвязанности институциональных проблем и проблем развития получает практическое подтверждение и на современном этапе. К примеру, реализация проектов развития туристического кластера в регионе сталкивается с препятствиями в виде вопросов собственности на землю, которую не удастся зарегистрировать предпринимателям [Литвинова, 2018]. Низкий уровень эффективности демонстрируют такие институты развития, как Корпорация развития Северного Кавказа (КРСК) и компания «Курорты Северного Кавказа» (КСК) [Министерство упразднили..., 2020]. Исходя из этого можно утверждать, что сложившиеся институты политического управления конфликтами в ряде аспектов своей деятельности не способствуют решению задач модернизации региона.

При этом их функционирование позволяет поддерживать относительно низкий уровень прямого насилия и избегать открытых масштабных конфликтов. Снижение угроз сепаратизма в регионе может рассматриваться как очевидно положительный результат на фоне проявления данной тенденции в 1990-х — начале 2000-х годов. Снижение популярности сепаратистских движений хорошо демонстрируют попытки актуализации так называемого черкесского вопроса, которые находят отклик преимущественно в зарубежных диаспорах черкесов [Эмиров, 2016]. Также снижается число случаев террористической и экстремистской активности [Салгириев и др., 2019].

Как отмечает Виктор Авксентьев, созданный в 2010 г. Северо-Кавказский Федеральный округ планировался как округ «нового типа», основной задачей которого должно было стать ускоренное экономическое развитие макрорегиона. Начала складываться система проактивного, упреждающего регионального антиконфликтного менеджмента. Однако осуществленные в 2014 г. изменения в механизмах руководства Северным Кавказом, в частности образование Министерства РФ по делам Северного Кавказа и назначение на должность полпреда вместо «проектного менеджера» А. Г. Хлопонина «силовика» С. А. Меликова, означали отход от принципов системного воздействия на региональный конфликтный процесс и постепенный возврат к преобладанию административных рычагов [Авксентьев, 2020]. Кроме того, утвержденный сценарий экономического развития оказался излишне оптимистичным [Авксентьев и др., 2014]. Вследствие этого в государственной региональной политике на Северном Кавказе в какой-то степени происходит разворот от дискурса развития к дискурсу безопасности.

В 2014–2020 гг. функции, связанные с экономическим развитием региона, были преимущественно возложены на федеральное Министерство по делам Северного Кавказа и курируемые им институты развития. Однако их деятельность в данной сфере была признана недостаточно эффективной. Согласно заявлению Счетной палаты РФ в октябре 2019 г., из 27 запланированных инвестпроектов в 2017–2018 гг. реализовано только девять. Создано всего 577 рабочих мест, что не может кардинально изменить ситуацию на рынке труда. Не выполняется и показатель по объему внебюджетных инвестиций: в 2017 г. привлечено только 22 % от планового объема, в 2018 г. — 36 % [Путин упразднил министерство..., 2020]. В рейтинг топ-30 инвестиционной привлекательности в 2019 г. не попал ни один из субъектов Северного Кавказа [«Увеличивали штат и премии»..., 2021]. Таким образом, несмотря на наличие значительной финансовой поддержки, в том числе в процессе реализации госпрограмм для региона, необходимые показатели экономического роста не были достигнуты. Этот результат, на наш взгляд, также связан с существующими институциональными ограничениями (неурегулированность вопросов прав на землю, высокий уровень бюрократизации в системе государственного управления и др.), не позволяющими эффективно инвестировать.

В настоящее время вопрос о возможных институциональных преобразованиях на макроуровне обсуждается исследователями и экспертами. В частности, предлагаются варианты реформы федеративных отношений (объеди-

нение субъектов и изменение их границ и территорий) [Astvatsaturova et al., 2019], формирование качественно новой национальной политики и подлинного федерализма [Атаева, Пак, 2018], укрупнения регионов путем объединения республик [Литвинова, 2012]. Однако подобные инициативы требуют принятия решений на федеральном уровне и означали бы масштабный пересмотр приоритетов региональной политики РФ в целом. Их реализация также чревата ростом уровня политической конфликтности в регионе.

ФАКТОРЫ И ТИПЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

В научной и экспертной среде вызывает дискуссии вопрос о роли этнической составляющей в региональных конфликтах, а также о наличии тенденций ее политизации или деполитизации. Политизированная этничность рассматривается большинством исследователей как основное препятствие для перевода конфликтов в позитивно-функциональную плоскость, хотя некоторые авторы высказывают мнение, что она имеет объективный характер [Нигматуллина, 2016]. Также обосновывают и необходимость учета этнической принадлежности при распределении властных позиций в полиэтнических республиках, видя в этом фактор этнополитической стабильности [Адиев, 2018]. Однако чаще необходимость формирования и преобладания общероссийской идентичности рассматривается как доминанта процесса политического управления конфликтами, в том числе и в институциональном контексте. В частности, на основе анализа законодательной базы исследователи делают вывод о достаточной с институциональной точки зрения интегрированности Северного Кавказа в российское политическое пространство при сохранении выраженной, институционально поддерживаемой и воспроизводимой этнокультурной специфики, что характеризуется как достижение институционального баланса. В то же время институционализация этнонациональной идентичности преобладает над институционализацией общероссийской идентичности [Авксентьев и др., 2020]. Исходя из этого можно утверждать, что тренд на этнизацию имеющихся социально-политических противоречий сохраняется в регионе. В качестве факторов, препятствующих дальнейшей его интеграции с другими макрорегионами России, называются рост национализма, возрождение традиционалистских элементов культуры и регулятивных норм, культивирование этнических, клановых и иных идентификаций, этнизация общественной сферы [Кирсанова, 2020], т. е. в основном проблемы этнополитического характера.

На Северном Кавказе снижение/повышение уровня политизации этничности имеет волнообразный характер. К примеру, к 2017 г. ситуация характеризовалась сочетанием положительных и отрицательных тенденций с усилением стабилизационных процессов, отражающим наметившуюся тенденцию перехода ситуации в регионе к умеренно-позитивному сценарию [Avksentiev et al., 2019]. С 2018 г. наблюдается стадия роста напряженности, совпадающая с аналогичным процессом общероссийского характера [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, 2020]. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода, несмотря на колебания уровня политизации, этническая составляющая присутствует во множестве кон-

фликтов, которые имеют экономическую, экологическую, административную или иную природу. Так, к примеру, этнополитический характер могут приобретают земельные конфликты [Иванова, Иванов, 2019], в ряде случаев к этническому примешивается и конфессиональный фактор [Адиев, Мурзаев, 2014]. При этом важную роль в обострении земельных отношений играют «правила игры» — институты, регулирующие допуск к земельным ресурсам и изменяющие правила их использования. В большинстве случаев регулирование доступа к ресурсам, взаимоотношений внутри сообщества и между сообществом и внешними акторами происходит на основе сочетания формальных и неформальных правил [Гуня и др., 2017]. Таким образом, политизация этничности в земельном вопросе во многом обуславливается наличием институциональных проблем.

Этнический фактор проявляется и в конфликтах, происходящих между региональными и местными структурами власти. В этом контексте показателен конфликт, возникший в ходе борьбы за власть в Ногайском районе Дагестана. Протестная мобилизация ногайской общественности против вмешательства дагестанских властей в вопросы местного самоуправления способствовала длительному сопротивлению депутатов представительного органа муниципального района административному ресурсу региональных властей. Успешность подобной мобилизации была достигнута из-за сращивания гражданского активизма, инициированного местными выборами, с этнической мобилизацией из-за земельного вопроса, что обеспечило высокий уровень консолидации общественности муниципального района и ногайского этноса вокруг депутатов представительного органа местного самоуправления, а также за счет использования новых средств коммуникации (мессенджеры, социальные сети) [Адиев, Цибенко, 2018]. В данном случае этническая мобилизация была использована как инструмент отстаивания прав на местное самоуправление, а конфликт был урегулирован при посредническом участии полномочного представителя Президента РФ в Северокавказском федеральном округе.

Этническая принадлежность, как уже упоминалось, является важным фактором в системе распределения властных полномочий. В ряде республик Северного Кавказа формируются политические режимы, в той или иной степени соответствующие признакам этнократии. Данное понятие определяется как форма политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы [Тощенко, 2003]. Также можно отметить существование в субъектах макрорегиона режимов, формально не соответствующих признакам этнократии, в рамках которых распределение властных полномочий осуществляется с учетом этнической принадлежности.

Выделяются региональные этнократии формально-институционального типа и неформально-институционального типа. Для первых свойственно обеспечение в законодательном порядке всевозможных льгот и привилегий для представителей титульного этноса (позиционные, ограничительные правила, правила сфер влияния, управления и агрегирования). Для вторых — соглашения с представителями вышестоящих администраций, силовых структур,

избирательных комиссий; получение денежных средств незаконным путем, «теневых» источников дохода [Сухопещенко, 2010]. Как отмечают В. А. Авксентьев и В. А. Васильченко, в северокавказских республиках понятия региональной и этнической элиты совпали между собой по смыслу, а политическая мобилизация населения осуществлялась элитами на этнической основе, что способствовало приобретению ресурсных или статусных конфронтаций между элитами черт этнических или этноклановых конфликтов [Авксентьев, Васильченко, 2014]. С функционированием этнократий связан ряд феноменов в неполитических областях общественной жизни, например этническое предпринимательство. Вне зависимости от типа этнократические режимы формируют идеологии, основанные на принципах этноцентризма, и используют этническую мобилизацию для защиты интересов той части этнической элиты, которая представляет собой бенефициаров их существования.

Таким образом, комплекс проблем, связанных с политизацией этничности и этнизацией конфликтов, а также форматов их институционализации, является актуальным для республик Северного Кавказа на протяжении всего исследуемого периода.

Еще одна тенденция развития региональных конфликтов — повышение в нем роли конфессионального фактора. Исследователи активно обсуждают значение и масштабы влияния радикальных религиозных течений в регионе, однако в большинстве публикаций они признаются одним из основных дестабилизирующих факторов в масштабах Северного Кавказа. Рассматривая на примере Дагестана феномен «нового ислама», Мария Розанова-Смит и Ахмет Ярлыкпоров подчеркивают, что он распространяется в первую очередь в молодежной среде, имеет экстерриториальный характер за счет широкого использования сетевых взаимодействий и создания сообществ сетевого типа. Однако при этом они отмечают, что протестные настроения свойственны не только носителям радикальных идеологий, но зачастую и сторонникам традиционных религиозных общин [Rozanova-Smith, Yarlykarov, 2014]. По мнению Арсена Яхьяева, возникнув на национальной почве, радикальное «возрожденчество» претерпело определенную эволюцию, превратилось в децентрализованную, но самостоятельную религиозно-политическую силу, способную развиваться, используя местные возможности. На его основе формируется экстремистские и террористические сетевые образования [Яхьяев, 2020]. Магомедэмин Гаджиев также отмечает взаимосвязь этнополитического и конфессионального факторов. Влияние последнего проявляется в деятельности радикальных религиозных организаций и группировок, негативно влияющих на социально-политическую стабильность региона [Гаджиев, 2016]. Таким образом, негативный характер воздействия «нового ислама» в основном связывается с действием внешних радикальных организаций, создающих сетевые структуры, активно вербующие сторонников в молодежной среде.

При этом, как отмечают некоторые исследователи, в тени зачастую остаются внутрорегиональные факторы, подпитывающие религиозную радикализацию. Среди них выделяются такие, как государственная политика по отношению к религиозным группам, действия российских спецслужб, коррупция

и экономические условия. Радикалы манипулируют местными факторами в нарративах, которые привлекают сторонников насилия [Pokalova, 2019]. При этом значительную роль в идеологическом и политическом противодействии религиозному экстремизму на Северном Кавказе играют представители мусульманского духовенства. Зачастую высокий уровень доверия населения к старейшинам и лидерам этнических движений и духовным лидерам, представителям муфтията сильно контрастирует с низким доверием официальной власти республик [Литвинова, 2016].

Следует также отметить, что происходит определенная трансформация типов конфликтов в северокавказском регионе. По сравнению с предшествующими десятилетиями в 2010-х годах в рамках региона реже стали возникать конфликты национального масштаба (например, сепаратистского характера), попадающие в федеральную повестку. Можно выделить межрегиональные конфликты (взаимодействие на уровне двух субъектов РФ) относительно проблем территориального характера, трактовки тех или иных исторических событий и т. д. В основном представлены внутрорегиональные и локальные конфликты.

С точки зрения методов конфликтования необходимо отметить снижение числа конфликтов с насильственной составляющей (тип «сражение» в классификации Анатолия Раппопорта [Rapoport, 1961]). В то же время актуальны протестные формы конфликтности, в некоторых случаях приводящие к мобилизации значительного числа граждан. Протесты в большинстве случаев связаны с региональными проблемами и могут иметь как конвенциональный (участие в официально санкционированных мероприятиях), так и неконвенциональный характер.

Такой критерий, как уровень публичности, доступности для наблюдения позволяет выделить латентные (скрытые) и открытые конфликты. Доля первых достаточно велика, особенно во взаимодействия «федеральный центр — регионы», а также во внутриэлитных процессах на уровне субъектов РФ. В то же время латентные конфликты могут находить публичное проявление в каких-либо конкретных ситуациях, заставляющих предполагать наличие скрытого пространства противоречий.

Развитие региона после окончания вооруженных этнических конфликтов сдерживает негативное влияние структурной демодернизации, фундаментализма и культурного изоляционизма. Одной из актуальных проблем институционализации конфликтов в регионе является интеграция Северного Кавказа в общероссийские процессы развития, преодоление внутренних и внешних расколов, снижение уровня социального неравенства, включение в процессы модернизации. Интеграция Северного Кавказа — это макрополитический проект, содержание которого определяется вопросами социальной сплоченности и гражданской солидарности [Поров, 2018]. В этом контексте большое значение имеют институты федерального уровня, действующие в регионе и определенной степени задающие параметры и инструментарий политической институционализации, а также непосредственно участвующие в управлении конфликтами.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение тенденций развития и институционализации конфликтов в северокавказском регионе позволяет сделать ряд выводов. В отличие от 1990-х — первой половины 2000-х годов для Северного Кавказа в рассматриваемый период не свойственны масштабные открытые конфликты по линиям «федеральный центр — субъекты РФ» или «субъект — субъект». Общим трендом политического процесса в регионе является стабилизация, недопущение вспышек насилия, актуализации глубинных противоречий, существующих в регионе. Под его влияние попадают как существовавшие ранее, так и вновь возникающие конфликты. Курс на «сдерживание» конфликтов приводит к тому, что в политической повестке региона они на данном этапе не доминируют. В то же время особенности политической институционализации конфликтов, которая предполагает опору на этнические элиты и силовые структуры, затрудняют переход в парадигму развития региона, преодоления базовых проблем и рисков.

По-прежнему сохраняют свою значимость тенденции политизации этничности и религиозного фактора в региональных конфликтах. Влияние этнической составляющей конфликтности связано с тем, что значительная часть противоречий, характерных для региона (земельный вопрос, распределение полномочий между региональными и местными органами власти, межреспубликанские и административные границы и др.), институционализируются через традиционные этнические структуры и рассматриваются в контексте межэтнических отношений. Сам этнократический принцип властвования и управления, в той или иной степени присущий всем республикам Северного Кавказа, предполагает как подобный ракурс рассмотрения региональных проблем, так и авторитарный характер контроля над ними. В регионе сохраняется потенциал для использования гибридного подхода к институционализации конфликтов (как в плане сочетания авторитарного и демократического подходов, так и универсальных и традиционных институтов), но то же время нормы, транслируемые формальными и неформальными институтами регулирования конфликтов, имеют недостаточно высокий уровень комплиментарности по отношению друг к другу.

Среди тенденций развития региональных конфликтов в республиках Северо-Кавказского региона периода 2010–2020-х годов можно выделить: сокращение масштабности конфликтов, перемещение их на внутрорегиональный и локальный уровень; снижение интенсивности конфликтов при сохранении их деструктивного потенциала; сохранение цикличности политизации/деполитизации этничности; снижение уровня насилия в конфликтах; дальнейшую актуализацию радикального ислама как фактора конфликтности в регионе. В целом конфликтные политические процессы менее выражены, нежели в два предыдущих десятилетия. Тенденции политической институционализации конфликтов связаны с типичными для режимов региона этнократическими и авторитарными характеристиками. По-прежнему значительную роль играют традиционные институты, основания которых обусловлены социокультурной спецификой региона. Деятельность политических институтов на уровне субъектов РФ направлена преимущественно на «сдерживание» конфликтов, недопущение их

эскалации. С данной тенденцией связаны и ограниченные успехи политики развития на Северном Кавказе.

Литература

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97.

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Институциональные рамки формирования общероссийской идентичности в Северо-Кавказском регионе: трудности и достижения // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12(89). С. 13–20.

Авксентьев В. А., Васильченко В. А. Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11(269). С. 68–86.

Авксентьев В. А. «Округ нового типа»: регионотенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 2. С. 41–54.

Авксентьев В. А., Васильченко В. А., Маслова Т. Ф., Лепилкина О. И. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 121–125.

Адиев А. З., Мурзаев Р. А. Этноконфессиональные аспекты земельных конфликтов на Северном Кавказе // Власть. 2014. № 1. С. 177–179.

Адиев А. З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 7–16.

Адиев А. З., Цибенко В. В. Муниципалитет vs регион: борьба за власть и самоуправление в Ногайском районе Дагестана // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 112–126.

Атаева Ф. А., Пак Л. Е. Специфика и особенности этнополитической ситуации в регионах Северного Кавказа // European Social Science Journal. 2018. No. 10. С. 520–525.

Гаджиев М. М. Влияние религии на межэтнические отношения в субъектах Северного Кавказа // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 6. С. 55–60.

Гуня А. Н., Тенов Т. З., Чеченов А. М., Шогенов М. З. Земельные конфликты в горных районах Северного Кавказа: акторы, ресурсы, институты // Кавказология. 2017 № 1. С. 154–175.

Иванова З. Ш., Иванов З. З. Системный анализ проблем землепользования горных территорий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 4 (90). С. 40–45.

Кирсанова Е. С. Условия и возможности формирования гражданской идентичности на Северном Кавказе // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 12(64). С. 3453–3460.

Кольба А. И. Тенденции развития региональной конфликтности в России постсоветского периода // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1, № 4. С. 122–127.

Литвинова Т. Н. Политические процессы на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности (институциональный подход): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2016.

Литвинова Т. Н. Северный Кавказ в проектировании стратегии пространственного развития России: проблемы и возможности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5(123). С. 12–15.

Литвинова Т. Н. Этнические аспекты развития федерализма на Северном Кавказе: реалии и перспективы // Политика и общество. 2012. № 5(89). С. 43–54.

Министерство упразднили. В структуре государственного управления Северным Кавказом произошли кардинальные изменения. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-skfo/v-gosupravlenii-severnym-kavkazom-proizoshli-kardinalnye-izmeneniia.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Нигматуллина Т. А. Политизация этничности в условиях регионального федерализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3 (34). С. 89–97.

Путин упразднил министерство по делам Северного Кавказа. 2020. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/21/01/2020/5e2745dc9a7947a93ebfd34d> (дата обращения: 05.06.2021).

Салгириев А. Р., Аракелян Э. А., Дадуев М. А., Денисова Л. Л., Шамсуев М. Х. Политический экстремизм в политико-элитном измерении (на примере республик Северного Кавказа) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. № 7(52). С. 1017–1024.

Салгириев А. Р., Баранов А. В., Костенко Ю. В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское научное объединение. 2019. № 7–2 (53). С. 145–147.

Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе. 2013. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/222451/#lh> (дата обращения: 05.06.2021).

Сухоплетченко К. Ю. Этнократия на Северном Кавказе: институционализация и легитимация: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

Туровский Р. Ф. Структурирование власти в российских регионах: между консолидацией и конкуренцией элит // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОССПЭН, 2011. С. 390–405.

«Увеличивали штат и премии»: миллиарды на кавказский туризм потрачены впустую. 2021. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/04/07/13550054.shtml> (дата обращения: 05.06.2021).

Хаматханова М. М. Конфликтная составляющая политического процесса в Северо-Кавказском регионе // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Северного Кавказа: Сборник статей VIII-ой Международной конференции. Магас: КЕП, 2020. С. 150–156.

Эмиров Р. М. Как не допустить этнополитический сепаратизм на Северном Кавказе: к истории так называемого «черкесского вопроса» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 3(34). С. 113–122.

Яхьяев А. М. К вопросу о природе исламского «Возрожденчества» и причинах его распространения // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1. С. 38–46.

Astvatsaturova M., Davydova E., Kosov G., Chekmenev D. Dynamics Of Ethnopolitical Processes Of North Caucasian District In Consolidating Of Nation. 2019. URL: https://www.european-proceedings.com/files/data/article/104/5089/article_104_5089_pdf_100.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

Avksent'ev A. V., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shul'ga M. M. Ethnopolitical Processes in the North Caucasus: Dynamics and Stabilizing Factors // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, is. 3. P. 2211–2215.

Farrell H. The Shared Challenges of Institutional Theories: Rational Choice, Historical Institutionalism, and Sociological Institutionalism. 2018 URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-75328-7_2 (дата обращения: 05.06.2021).

Klimenko E., Melvin N. Decreasing violence in the North Caucasus: Is an end to the regional conflict in sight? 2016. URL: <https://www.sipri.org/commentary/blog/2016/decreasing-violence-north-caucasus-end-regional-conflict-sight> (дата обращения: 05.06.2021).

Pokalova E. Islamic Radicalization in Russia's North Caucasus: Lessons from Russia's Handling of Religious Revival // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2019. Vol. 21, iss. 2. P. 146–169.

Popov M. Conflict resolution strategy in the North Caucasus: Underlying concepts and theoretical issues // Teoriia in Praksa. 2018. No. 55(1). P. 123–141.

Rapoport A. Three Modes of Conflict // Management Science. 1961. Vol. 7, no. 3. P. 210–218.

Rozanova-Smith M., Yarlykapov A. The Islamic Religion and Cultural Diversity in Contemporary Russia: Case Study of North Caucasus Region, Dagestan // OMNES: The Journal of Multicultural Society. 2014. No. 51. P. 22–47.

Scott W. R. Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change // Journal of Change Management. 2010. Vol. 10, no. 1. P. 5–21.

Siedschlag A. Political Institutionalization and Conflict Management in the New Europe — Path-Shaping for the Better or Worse? 2001. Available at: <http://esci.at/eusipo/apsa2001.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).

Кольба Алексей Иванович — д-р полит. наук, доц.; alivka2000@mail.ru

Чадаева Залина Темирлановна — аспирант; zalina1984@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 14 июня 2021 г.;

рекомендована в печать: 13 июля 2021 г.

Для цитирования: Кольба А. И., Чадаева З. Т. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 3. С. 273–287.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304>

TRENDS IN THE DEVELOPMENT AND POLITICAL INSTITUTIONALIZATION OF REGIONAL CONFLICTS IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS

Alexey I. Kol'ba

Kuban State University,
149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation; alivka2000@mail.ru

Zalina T. Chadaeva

Kuban State University,
149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation; zalina1984@mail.ru

The article presents the results of a study of the main trends in the development of regional conflicts in the republics of the North Caucasus region (2010–2020s), as well as the transformation of political institutions to manage them. Based on the conceptual analysis of the provisions of the conflictological and neoinstitutional approaches regarding the essence of the political institutionalization of conflicts, the authors conclude that the focus of this process is mainly on maintaining stability, and not on the development of the region. The revealed specificity of the development of regional conflict allows us to assert the presence of its cyclical nature, which manifests itself, in particular, in the periodic politicization and depoliticization of ethnicity. The latter remains a significant factor in the development of the region, primarily due to the formation of related identities, which is also manifested in the conflicts under study. The significant role of the confessional factor in conflicts has also been determined. It manifests itself both in the intensification of the religious radicalization of some citizens, primarily the youth, and in the opposition to it by moderately minded clergy. A change in the types of conflict in the region is noted: the scale of conflicts is decreasing and they are developing on the republic or local level. The intensity of the development of conflict situations and the number of violent manifestations of conflict decrease, while they more often take on a latent, non-public nature. As a reaction to this state of affairs, protest forms of expressing contradictions are actualized. In the coming years, the continuation of the trend associated with the hybrid political institutionalization of conflicts and the preservation of an orientation towards their “containment” is most likely.

Keywords: regional conflict, North Caucasian region, political institutionalization, trends, ethnicity.

References

- Aдиев А. З., Мурзаев Р. А. Ethno-confessional aspects of land conflicts in the North Caucasus. *Vlast'*, 2014, no. 1, pp. 177–179. (In Russian)
- Aдиев А. З. Representation of ethnic groups in government as a factor of socio-political stability in the North Caucasus. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 2018, no. 4(47), pp. 7–16. (In Russian)

Adiev A. Z., Tsibenko V. V. Municipality vs Region: Struggle for Power and Self-Government in the Nogai District of Dagestan. *Polis. Political Studies*, 2018, no. 6, pp. 112–126. (In Russian)

Astvatsaturova M., Davydova E., Kosov G., Chekmenev D. *Dynamics Of Ethnopolitical Process Of North Caucasian District In Consolidating Of Nation*, 2019. Available at: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/104/5089/article_104_5089_pdf_100.pdf (accessed: 05.06.2021).

Ataeva F. A., Pak L. E. Specificity and features of the ethnopolitical situation in the regions of the North Caucasus. *European Social Science Journal*, 2018, no. 10, pp. 520–525. (In Russian)

Avksentiev V. A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shul'ga M. M. Ethnopolitical Processes in the North Caucasus: Dynamics and Stabilizing Factors. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019, vol. 8, no. 3, pp. 2211–2215.

Avksentiev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: the ethnization of politics and the politicization of ethnicity. *Politicheskaja nauka*, 2020, no. 3, pp. 74–97. (In Russian)

Avksentiev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shul'ga M. M. Institutional framework for the formation of an all-Russian identity in the North Caucasus region: difficulties and achievements. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2020, no. 12(89), pp. 13–20. (In Russian)

Avksentiev V. A., Vasil'chenko V. A. Ethnic elites and ethnocracies of the North Caucasus: interaction with the institutions of modern society. *Rossija i musul'manskii mir*, 2014, no. 11(269), pp. 68–86. (In Russian)

Avksentiev V. A. "District of a New Type": Regionogenesis and Dynamics of Ethnopolitical Processes in the North Caucasus. *Society and Security Insights*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 41–54. (In Russian)

Avksentiev V. A., Vasil'chenko V. A., Maslova T. F., Lepilkina O. I. *Ethnopolitical foundations of system management in the North Caucasus*. Rostov-on-Don, IuNTs RAN Publ., 2014, pp. 121–125. (In Russian)

Farrell H. *The Shared Challenges of Institutional Theories: Rational Choice, Historical Institutionalism, and Sociological Institutionalism*, 2018. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-75328-7_2 (accessed: 05.06.2021).

Gadzhiev M. M. The influence of religion on interethnic relations in the subjects of the North Caucasus. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, vol. 22, no. 6, pp. 55–60. (In Russian)

Gunia A. N., Tenov T. Z., Chechenov A. M., Shogenov M. Z. Land conflicts in the mountainous regions of the North Caucasus: actors, resources, institutions. *Kavkazologija*, 2017, no. 1, pp. 154–175. (In Russian)

Hamatkhanova M. M. Conflict component of the political process in the North Caucasus region. *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Severnogo Kavkaza: Sbornik statei VIII-oi Mezhdunarodnoi konferentsii*. Magas, KEP Publ., 2020, pp. 150–156. (In Russian)

"Increased staff and bonuses": billions were wasted on Caucasian tourism, 2021. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/04/07/13550054.shtml> (accessed: 05.06.2021). (In Russian)

Ivanova Z. Sh., Ivanov Z. Z. System analysis of the problems of land use in mountain areas. *Izvestiia Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2019, no. 4(90), pp. 40–45. (In Russian)

Jakh'iaev A. M. On the nature of Islamic "revival" and the reasons for its spread. *Islamovedenie*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 38–46. (In Russian)

Emirov R. M. How to prevent ethnopolitical separatism in the North Caucasus: to the history of the so-called "Circassian issue". *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2016, no. 3(34), pp. 113–122. (In Russian)

Kirsanova E. S. Conditions and opportunities for the formation of civic identity in the North Caucasus. *Voprosy politologii*, 2020, vol. 10, no. 12(64), pp. 3453–3460. (In Russian)

Klimenko E., Melvin N. *Decreasing violence in the North Caucasus: Is an end to the regional conflict in sight?* 2016. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/blog/2016/decreasing-violence-north-caucasus-end-regional-conflict-sight> (accessed: 05.06.2021).

Kol'ba A. I. Trends in the development of regional conflict in Russia in the post-Soviet period. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2011, vol. 1. no. 4, pp. 122–127. (In Russian)

Litvinova T.N. The North Caucasus in the design of the Spatial Development Strategy of Russia: problems and opportunities. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2018, no. 5(123), pp. 12–15. (In Russian)

Litvinova T.N. Ethnic aspects of the development of federalism in the North Caucasus: realities and prospects. *Politika i obshchestvo*, 2012, no. 5(89), pp. 43–54. (In Russian)

Litvinova T.N. *Political Processes in the North Caucasus in the Context of the Development of Russian Statehood (Institutional Approach)*: Dissertation by Doctor of Political Sciences. Moscow, 2016. (In Russian)

Nigmatullina T.A. The politicization of ethnicity in the context of regional federalism. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2016, no. 3(34), pp. 89–97. (In Russian)

Pokalova E. Islamic Radicalization in Russia's North Caucasus: Lessons from Russia's Handling of Religious Revival. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2019, vol. 21, iss. 2, pp. 146–169.

Popov M. Conflict resolution strategy in the North Caucasus: Underlying concepts and theoretical issues. *Teoriia in Praksa*, 2018, no. 55(1), pp. 123–141.

Putin abolished the Ministry of North Caucasus Affairs, 2020. Available at: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/21/01/2020/5e2745dc9a7947a93ebfd34d> (accessed: 05.06.2021). (In Russian)

Rapoport A. Three Modes of Conflict. *Management Science*, 1961, vol. 7, no. 3, pp. 210–218.

Roanova-Smith M., Yarlykapov A. The Islamic Religion and Cultural Diversity in Contemporary Russia: Case Study of North Caucasus Region, Dagestan. *OMNES: The Journal of Multicultural Society*, 2014, no. 51, pp. 22–47.

Salgiriev A. R., Arakelian Je. A., Daduev M. A., Denisova L. L., Shamsuev M. H. Political extremism in the political-elite dimension (on the example of the republics of the North Caucasus). *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2019, no. 7(52), pp. 1017–1024. (In Russian)

Salgiriev A. R., Baranov A. V., Kostenko Yu. V. The emergence of new points of ethno-political tension in the North Caucasus as a consequence of the crisis of the elites. *Evrasiiskoe nauchnoe ob'edinenie*, 2019, no. 7–2(53), pp. 145–147. (In Russian)

Scott W. R. Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change. *Journal of Change Management*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 5–21.

Siedschlag A. *Political Institutionalization and Conflict Management in the New Europe – Path-Shaping for the Better or Worse?* 2001. Available at: <http://esci.at/eusipo/apsa2001.pdf> (accessed: 05.06.2021).

Sokolov D., Magomedov Kh., Silaev N. Sources of conflict and development in the North Caucasus, 2013. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/222451/#lh> (accessed: 05.06.2021). (In Russian)

Sukhopleshchenko K. Yu. *Ethnocracies in the North Caucasus: Institutionalization and Legitimation*: dissertation abstract of the candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don, 2010. (In Russian)

The ministry was abolished. Fundamental changes have taken place in the structure of government in the North Caucasus, 2020. Available at: <https://rg.ru/2020/01/28/reg-skfo/v-gosupravlenii-severnym-kavkazom-proizoshli-kardinalnye-izmeneniia.html> (accessed: 05.06.2021). (In Russian)

Toshchenko Zh. T. *Ethnocracy: history and modernity*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 432 p. (In Russian)

Turovskii R. F. Structuring Power in Russian Regions: Between Consolidation and Competition of Elites. *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 390–405. (In Russian)

Received: June 14, 2021

Accepted: July 13, 2021

For citation: Kol'ba A. I., Chadaeva Z. T. Trends in the development and political institutionalization of regional conflicts in the republics of the North Caucasus. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 273–287. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304> (In Russian)